

RUGRAM

АЛЕКСАНДР ВЕСЕЛОВСКИЙ

Историческая поэтика



ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82.091
ББК 83
В38

Вступительная статья Б. Энгельгардта

Веселовский А.

В38 Историческая поэтика / Александр Веселовский ; [вступ. ст. Б. Энгельгардта]. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 383 с. — (Серия «Пальмира — университет»).

В это издание «Исторической поэтики» включены работы, изданные самим А. Н. Веселовским, а также отрывки из не опубликованных при жизни ученого исследований и статья филолога, литературоведа и переводчика Б. М. Энгельгардта (1887–1942) об авторе и его труде.

УДК 82.091
ББК 83

ISBN 978-5-517-03555-4

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

Из книги «Александр Николаевич Веселовский»

<...> Научные взгляды Веселовского складывались в эпоху того исключительного преобладания естественно-научного духа, которым характеризуется умственная жизнь 60-х и 70-х годов XIX столетия. Если еще и теперь, когда естествознание ослаблено внутренними раздорами, когда в физике, в биологии, в психологии раздаются громкие голоса в пользу ревизии общих принципов естествознания, а философия и история дают относительно устойчивые предпосылки для критики так называемого естественно-научного мировоззрения извне, — если еще теперь почти всякий представитель гуманитарных и исторических наук с завистью поглядывает на естественно-научную объективность, то в пору выступления Веселовского господство естествознания было почти безраздельно, и все прогрессивное европейское мышление находилось под его обаянием. Это было время первых блестящих побед дарвинизма, время популярности Бокля, громкой известности Тэна, появления «Капитала». Казалось, и отвлеченная мысль шла навстречу усилиям естествознания. Милль создавал блистательную систему логики — логики, прежде всего, естественных наук; Спенсер начинал грандиозное дело своей энциклопедии позитивного знания; Конт приобретал все большее значение, и твердыни академической философии колебались под ударами философских памфлетов Бюхнера, Мошешотта, Штрауса и других представителей скептического, материалистического и механистического направлений. Естественно-научные методы исследования применялись в разных областях, и повсюду плодотворно, если не в смысле

достижения положительной истины, то в смысле устранения и критики старых предрассудков и суеверий.

Само собой понятно, что и Веселовский был захвачен этим могучим движением в своих поисках настоящего пути для истории литературы. Нет никаких сомнений, что именно идеал естественно-научного знания преподносился ему в этих трудных и сложных поисках метода, и когда он с мучительной тоской задавался вопросом: *«История литературы — может ли она быть предметом науки? Да есть ли история наука?»*¹, мы с уверенностью можем сказать, о какой науке шла здесь речь.

Питая глубокое недоверие ко всяким субъективным «эстетическим оценкам» и широким философским экзегезам, он настойчиво искал методов объективного, поддающегося, так сказать, наглядной проверке, изучения фактов и построения осторожного и точного обобщения, по образцам, предлагаемым естествознанием, стремясь опереться на его методологические предпосылки в своих историко-литературных концепциях.

И среди этих предпосылок — две особенно подчеркивались всеми представителями естественно-научного мышления: это причинная, строго эмпирическая точка зрения в объяснении становления явлений и полная объективность исследования. Строго говоря, оба эти принципа почти совпадают; точнее, второй почти целиком содержится в первом. В самом деле: при современном состоянии человеческого познания достигнуть полной объективности возможно лишь в том случае, если в качестве причины возникновения одного объективного данного явления будет выставлена не какая-нибудь норма или цель, могущая быть оспариваемой, но другое объективно же данное явление. Так, например, в области общественных наук для достижения естественно-научной объективности построения необходимо последовательное отнесение каждого данного во вне явления к другому такому же явлению с устранением всех промежуточных инстанций, т. е. тех понятий о целесообразности, ценности и т. д., относительно которых мы до сих пор еще не имеем общеобязательных критериев проверки.

Эта причинная, генетическая точка зрения была целиком усвоена Веселовским и ярко выразилась в его знаменитой вступительной лекции «О методе и задачах истории литературы».

«Допустим, — говорит он там, — вы изучаете, например, какую-нибудь эпоху; если вы желаете выработать свой собственный самостоятельный взгляд на нее, вам необходимо познакомиться не только с ее крупными

¹ Из дневника 1869 года.

явлениями, но и с той житейской мелочью, которая обусловила их; но постараетесь проследить между ними связь причин и следствий; для удобства работы вы станете подходить к предмету по частям, с одной какой-нибудь стороны: всякий раз вы придете к какому-нибудь выводу или к ряду частных выводов. Вы повторили эту операцию несколько раз в приложении к разным группам фактов; у вас получилось уже несколько рядов выводов, и вместе с тем явилась возможность их взаимной проверки, возможность работать над ними, как вы доселе работали над голыми фактами, возводя к более широким принципам то, что в них встретилось общего, родственного, — другими словами, достигая на почве логики, но при постоянной фактической проверке, второго ряда обобщений. Таким образом, восходя далее, вы придете к последнему, самому полному обобщению, которое в сущности и выразит ваш конечный взгляд на изучаемую область...»

«Изучая ряды фактов, — поясняет он далее, — мы изучаем их последовательность, отношения между ними последующего и предыдущего; если это отношение повторяется, мы начинаем подозревать в нем известную законность, если оно повторяется часто, мы перестаем говорить о предыдущем и последующем, заменяя их выражением причины и следствия. Мы даже склонны пойти далее и охотно переносим это тесное понятие причинности на ближайшие из смежных фактов: они или вызвали причину, или являются отголоском следствия. Берем на проверку параллельный ряд сходных фактов: здесь отношение данного предыдущего и данного последующего может не повторяться, или если представится, то смежные с ними члены будут различны, и, наоборот, окажется сходство на более отдаленных степенях рядов. Сообразно с этим ограничиваем или расширяем наше понятие о причинности; каждый новый параллельный ряд может принести с собою новое изменение понятия; чем более таких проверочных повторений, тем более вероятно, что полученное обобщение подойдет точности закона»¹.

В этих словах Веселовского дана вполне законченная схема индуктивного исследования литературных фактов с точки зрения их причинного взаимоотношения; причем установление законов их становления провозглашается конечной целью исторических изучений.

Но соответственно такому пониманию общих задач историко-литературного исследования необходимо было найти и конкретный метод, достаточно объективный и приспособленный к выполнению заданий

¹ См.: *Веселовский А. Н. Поэтика* // *Веселовский А. Н. Собр. соч.* СПб., 1916. С. 6–7, 10. Ср. также замечания на первых страницах «Исторической поэтики» (1898).

такого рода. Найти его было нетрудно. Он сам, так сказать, напрашивался в руки исследователя. Мы говорим о методе сравнительном со всеми его подразделениями. Более того: в силу своего широкого распространения и в лингвистике, и в общей филологии, и в истории литературы, метод этот являлся для Веселовского «чем-то данным и в значительной степени и общеобязательным»¹.

Сущность сравнительного метода, как показывает уже само его название, заключается в объективном сравнении двух явлений. Таким образом, всякий вывод, добытый с его помощью, возникает на основе объективного, доступного общей проверке наблюдения, а не на произвольных построениях исследователя. В основе его лежит такой же объективный, имеющий дело с твердо установленными данными познавательный процесс, как и в основе любого из естественно-научных определений. И в то же время это — метод бесспорно генетический, так как он ставит объективные явления в причинные зависимости друг от друга и изучает их как систему причинных циклов.

Эти-то особенности сообщили сравнительному методу огромную силу и крепость и были причиной его необычайно широкого распространения и исключительных успехов в европейской науке XIX века. И трудно решить, в какой области знания он сыграл большую роль: естествознание обязано ему существованием целого ряда самостоятельных дисциплин не менее важных, чем те, которые он вызвал к жизни в сферах науки о духе. Сравнительная анатомия, сравнительная эмбриология и другие естественные науки в такой же мере опираются на сравнительный метод, как и сравнительное языкознание, сравнительная история религий и т. д. В конце концов, и «теория происхождения видов» в значительной мере основана на выводах, полученных с его помощью. И любопытно отметить, что он с особой интенсивностью применяется там, где возможность экспериментирования или чрезвычайно затруднена, или вовсе исключена. В этом смысле он до известной степени является эквивалентом экспериментального метода, открывая новые возможности установления причинного соотношения между последующим и предыдущим явлением.

Но в то же время легко заметить, что в области наук о духе сравнительный метод является проекционным методом по преимуществу. Опираясь на сравнение двух художественных произведений, он проходит

¹ Анничков Е. Историческая поэтика А. Н. Веселовского // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1. Харьков, 1911. С. 98.

мимо того, что стоит между ними, мимо творческой личности поэта. Строго говоря, полный причинный ряд в процессе влияния одного художественного произведения на другое состоит из влияющего художественного произведения, поэтического сознания, его усваивающего, и процесса возникновения нового художественного произведения в этом сознании, в том или ином отношении сходного с усвоенным. Но описание подобного рода процесса менее всего может быть осуществлено при помощи одного сравнительного метода: его сущность, как он исторически сложился, в сравнении двух культурно-исторических памятников как фактов, между которыми возможно как бы непосредственное причинное соотношение.

И этот прием неизбежно требует проецирования сравниваемых объектов — рассмотрения их как совершенно самостоятельных, обоснованных в самих себе явлений. Здесь с особенной ясностью проступает тесная связь между распространением проекционных методов и естественно-научными тенденциями века. Требование строгой объективности, выставленное естественно-научным мировоззрением, было, в сущности, требованием изучать явление в наиболее объективной из всех его познавательных форм, и сравнительный метод, явившийся в области общественных и исторических наук единственным вполне естественно-научным методом, в точности исполнил это требование, доведя объективацию психических содержаний до неслыханных раньше размеров.

Эта связь между естествознанием и сравнительной филологией не раз отмечалась в науке: «До XIX в., — говорит один из видных современных лингвистов, — явления жизни общественной и органической оставались в темноте, потому что их думали понять, прилагая к ним отвлеченные идеи. Теперь стали понимать, что и эти явления надлежит изучать в них самих, как это делалось в области химических и физических явлений».

«Сравнительное языкознание, — продолжает он далее, — представляет только часть тех систематических исследований, которые XIX век произвел по вопросам исторического развития природы и общества» (Мейе).

Проникнутый сознанием высокой плодотворности нового метода и сознательно или бессознательно повинаясь его требованиям, филолог последовательно проецировал один ряд явлений культурного творчества за другим во вне, пытаясь рассматривать их как независимые, аналогичные физическим или химическим явлениям. И повсюду — в области чистой лингвистики, фольклора, литературы — он приходил к весьма ценным результатам: так или иначе, сравнительный метод в значительной мере оправдывал возлагаемые на него надежды.

Но в применении этого метода скрывались большие опасности. Дело в том, что устанавливаемое с его помощью внешнее и внутреннее сходство двух объектов могло означать совершенно различные вещи: оно могло, во-первых, указывать на родство этих объектов, т. е. на их происхождение от одного и того же третьего; во-вторых, оно могло свидетельствовать о влиянии одного из них на другой, ставя их в непосредственное отношение причины и следствия, или же при дальнейшем обследовании привести их к убеждению, что речь идет лишь об исторических модификациях одного и того же объекта; и наконец, оно могло только служить доказательством известной однотипности человеческого творчества, создающего при аналогичных условиях сходные культурные памятники. Таким образом, строя обобщение на основе сравнительного метода, исследователь обязан прежде всего выяснить, с каким из указанных выше случаев он имеет дело. Но сделать это даже при большой методологической и критической осторожности нередко и теперь бывает очень затруднительно. Между тем исторически сравнительный метод раскрывался с большой постепенностью, как бы по частям.

Первоначально большинство крупнейших исследователей видело в сходстве двух сравнительных объектов доказательство их родства, так что задачей сравнительно-филологических изучений оказывалась историческая реконструкция их единого древнейшего родства. Отсюда мифологическая экзегеза гриммовской школы со всеми ее крайностями и увлечениями.

В пору выступления Веселовского Бенфей в своем издании «Панчтантры» (Лейпциг, 1859 год) существенно ограничил притязания мифологов, указав, что сходство между двумя произведениями может объясняться их влиянием или тем, что, в сущности, мы имеем дело с одним произведением на разных ступенях его исторического бытия. Так создавалось целое направление, целиком поглощенное изучением влияний или историей произведений, их длительного странствия из края в край, из века в век. И совершенно понятно, что и это направление не могло избежать целого ряда преувеличений.

И наконец, позднее в трудах Тэйлора («История первобытной культуры», 1870 год), Ланга и других была развита теория так называемого «самозарождения», т. е. возникновения сходных произведений в аналогичных условиях, вне вечной связи друг с другом. Веселовский примкнул ко второму направлению, но бенфеистом в полном смысле этого слова он никогда не был; с одной стороны, он всегда «был далек от крайних увлечений врагов старой мифологии», с другой стороны, он